

Янь Цин от ужаса не мог вымолвить ни слова. Он забился в его объятия, как испуганный перепел, боясь даже поднять голову.

Чу Сюньчжоу опустил взгляд, на его губах играла странная улыбка, а глаза становились всё темнее и непроницаемее.

Он неторопливо спросил:

— Цин-Цин, скажи мне, почему ты снова решил бросить меня?

— Разве ты не ради меня вернулся? Почему после нашей свадьбы я тебе снова стал не нужен?

— Моя искренность в твоих глазах не стоит и гроша? Так легко можно ее выбросить?

Его голос был низким и хриплым, даже интонации оставались мягкими, как прежде, но от них веяло могильным холодом, пробирающим до костей.

Янь Цин подсознательно покачал головой, отрицая его слова, но не смог найти ни единого оправдания.

Всё, что сказал регент, было чистой правдой.

Чу Сюньчжоу, казалось, и не ждал объяснений. Он лишь слегка склонился и, подхватив его за подколенные сгибы, поднял на руки.

— Когда вернемся, я навсегда запру тебя в поместье. В конце концов, я всегда буду рядом, тебе не будет одиноко.

Поездка на юг внезапно прервалась. Кавалькада спешно двинулась на север, обратно в столицу. Из роскошной просторной кареты, окруженной стражей, то и дело доносились тихие всхлипы, похожие на кошачье мяуканье – словно кто-то до боли сжимал зубы, но не мог сдержать прерывистых звуков.

Янь Цин плакал так сильно, что едва мог дышать. Он редко бывал в полном сознании. Много раз он пытался выбраться, цепляясь дрожащими руками за стенки кареты, но Чу Сюньчжоу каждый раз хладнокровно ловил его за лодыжку и затаскивал обратно.

Запертый целыми днями в карете, Янь Цин потерял счет времени. Дни слились в мутный поток. Его миндалевидные глаза опухли от слез, длинные ресницы слиплись, а в уголках век застыла багровая краснота.

Чу Сюньчжоу не проявлял ни капли жалости. Золотые и нефритовые безделушки – в ход шло всё, что подворачивалось под руку.

Что же касается виновницы всего этого, Системы, то ее из темной комнаты так и не выпускали.

Спустя неизвестный срок карета, покачиваясь, наконец вернулась в столицу. Янь Цина вынесли на руках.

Он был закутан так плотно, что не было видно ни волоска. Однако даже во сне, даже будучи на руках у другого, он не переставал мелко дрожать всем телом.

Чу Сюньчжоу, который раньше щадил его здоровье и не смел заходить слишком далеко, за время пути наконец смог дать себе волю. В его чертах читалось глубокое удовлетворение, а

лицо перестало выглядеть таким мрачным.

Он внес его в комнату и, склонившись к самому уху спящего, прошептал:

— Цин-Цин, ты сам выбрал этот путь. Тебе некого винить, кроме себя.

То ли Янь Цин проснулся, то ли это был выработанный за эти дни рефлекс, но его тело задрожало еще сильнее.

— Хозяин, Хозяин?]

Янь Цин проснулся от назойливого зова Системы.

Голос Системы звучал крайне виновато: [Хозяин, ты в порядке?]

Янь Цин чувствовал себя так, будто его разобрали на части и собрали заново. Малейшее движение отзывалось странной слабостью и ломотой.

Он моргнул воспаленными веками и медленно произнес:

— Всё. Это тело – труп. Я даже пошевелиться не могу.

Система утешила его: [Ну что ты, Хозяин, не переживай. Ты просто временно... того, обессилел. Отдохнешь пару дней и придешь в норму].

Янь Цин был полон вселенской скорби:

— Ты думаешь, этот скот, Чу Сюньчжоу, даст мне время на отдых?

Система замаялась и лишь спустя время робко пролепетала: [Хозяин, не будь таким пессимистом. За время пути уровень очернения прилично снизился].

У Янь Цина наконец проснулся интерес, он дрожащим голосом спросил:

— И на сколько?

Система: [Упал на целых тридцать очков! Теперь осталось всего семьдесят!]

Янь Цин со вздохом снова повалился на подушки.

«Всего тридцать очков, а шуму-то...»

Пролежав в одном положении полдня, Янь Цин наконец не выдержал. Преодолевая кислую немощь, он медленно перевернулся на другой бок, но едва сменил позу, как замер.

— Погоди-ка... Это... что еще такое?

Он попробовал шевельнуть ногой. Нет, не показалось: до ушей донесся знакомый тихий звон.

Система замаялась, ее голос стал совсем тихим: [Хех, ну а что это еще может быть... Это... в общем, именно то, о чем ты подумал...]

«Проклятье!»

У Янь Цина потемнело в глазах. Ему почудилось, что перед ним порхают крылатые человечки и машут ему руками.

Он в прострации спросил:

— Я что, уже отхожу в лучший мир?

Система с сочувствием посмотрела на него: [Хозяин, на Востоке нет Иерусалима].

Янь Цин дрожащей рукой откинул шелковое одеяло. Так и есть: на его тонкой лодыжке была прочно закреплена цепь из чистого золота. Цепь была длинной, позволяя свободно перемещаться по комнате, другой ее конец был прикован к столбику кровати, а внутреннее кольцо было предусмотрительно подбито мягким мехом.

Система: [Она из чистого золота! Хозяину крупно повезло~]

Янь Цин бесстрастно ответил:

— Хочешь такое везение себе?

Система не посмела больше острить и продолжила утешать: [Ничего страшного, Хозяин. У тебя есть я, я всегда буду рядом].

Янь Цин в ярости дрыгнул ногой:

— Какой от тебя толк? Ты, бесполезная жестянка, только палки мне в колеса вставляешь!

Система обиделась: [Почему это я бесполезная? Не говори так, Хозяин].

Янь Цин ее проигнорировал.

Система немного пошуршала помехами и добавила: [Бог с ними, с палками. Главный герой скоро придет. Хозяин, лучше притворись несчастным и жалким, может, он поскорее вернет тебе свободу].

У Янь Цина дернулось веко.

И точно: стоило Системе замолчать, как снаружи послышались шаги. Дверь со скрипом отворилась, и вошел Чу Сюньчжоу. Он шел против света, и его зрачки казались бездонными, словно две пугающие пропасти.

Янь Цин инстинктивно прикрыл глаза рукой от яркого света, но Чу Сюньчжоу истолковал это по-своему – будто юноша пытается скрыть свою уязвимость.

Он подошел к кровати и сверху вниз уставился на дрожащего юношу. Спустя долгое время он первым нарушил тишину.

— И что же Цин-Цин опять делает? Разве ты не сам выбрал всё это?

Янь Цин чуть раздвинул пальцы и посмотрел сквозь них:

— И поэтому ты решил меня заковать?

Чу Сюньчжоу слегка наклонился, подушечкой пальца провел по следам зубов на его запястье и

удовлетворенно вздохнул:

— Только так Цин-Цин будет послушным. И только так Цин-Цин навсегда останется со мной.

Дыхание Янь Цина участилось, он в отчаянии снова дернул ногой:

— Но я живой человек! Если ты меня так запираешь, чем я отличаюсь от твоей игрушки?

Взгляд Чу Сюньчжоу потемнел:

— Как Цин-Цин может быть игрушкой? Цин-Цин - мой самый любимый человек.

Голос Янь Цина невольно сорвался на крик:

— Ты меня любишь? Любишь и поэтому держишь на цепи? Где это видано, чтобы так любили?!

Чу Сюньчжоу протянул руку и нежно погладил его лодыжку:

— Веришь ты мне или нет, но пока ты не оставишь мыслей о побеге, эта цепь будет надежно сидеть на твоей ноге.

<http://bllate.org/book/18143/1740383>